

Выходить ежедневно
утромъ.

ТЕЛЕФОНЪ
РЕДАКЦІИ
— № 199. —

СЕГОДНЯ

НЕЗАВИСИМАЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Редакція, главная контора и экспедиція

Рига, Гердерова площадь № 1.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5 до 7 ч. веч. — Главная контора открыта отъ 9 ч. утра до 7 ч. веч.

Отд. конторы: Известковая 18.

Заграничныя объявленія черезъ Annoncen-Expedition RUDOLF MOSSE.

Цѣна отдѣльнаго номера:
въ Ригѣ и провинціи
10 сант. (5 руб. латв.)

ТЕЛЕФОНЪ
Гл. конторы
— № 90 —
Отд. на
Известковой
— № 5-24 —

Объявленія:

За строку петита или занимаемое ею мѣсто
въ Латвіи:

въ текстѣ	Ls. 1.—	(50 р. латв.)	} + 5% гор. налога
спросъ и предл. труда „	— 10	(5 „ „)	
фирмы и увесел. учр. „	— 30	(15 „ „)	
позади текста	— 22	(11 „ „)	

Подписная плата за мѣсяцъ

Въ Латвіи Ls. 2.50 (125 руб.)

Заграницей „ 3.70 (185 „)

5-й годъ изд.

Воскресенье, 3 іюня 1923 г.

№ 116.

Вечеръ у Чехова.

На дняхъ я нашелъ въ газетахъ сообщеніе о томъ, что ялтинскій домикъ Чехова сохраненъ въ цѣлости и что сестра писателя Марія Павловна устроила въ этомъ домикѣ музей, въ которомъ собраны различные вещи и предметы, окружавшіе Антона Павловича при его жизни. Памятенъ мнѣ этотъ домикъ. Я познакомился съ нимъ сравнительно не задолго до кончины Чехова. Чеховъ заведовалъ тогда беллетристическимъ отдѣломъ «Русской Мысли», а я помогалъ Гольцеву въ заведованіи отдѣломъ публицистическимъ. Приѣхавъ въ Ялту, я пошелъ къ Чехову поговорить о дѣлахъ журнала.

Раньше я видѣлъ Чехова нѣсколько разъ лишь мелькомъ. Теперь мы провели съ нимъ въ бесѣдѣ нѣсколько часовъ. Поминчивъ съ дѣлами, мы поболтали о разныхъ разностяхъ просто и непринужденно, не касаясь какихъ либо глубокихъ матерій. Но эта непринужденная бесѣда оставила сильное впечатлѣніе и мнѣ показалось, что, наблюдая за всей повадкой Чехова, я въ этотъ вечеръ схватилъ ключъ къ основному мотиву всего творчества этого изящнаго пѣвца русскихъ «сумерекъ».

Размѣренно звучалъ низкій басокъ Чехова. Онъ говорилъ спокойно и неторопливо. Почти передъ каждой фразой онъ дѣлалъ небольшую паузу. Казалось, онъ произносилъ фразу послѣ того, какъ она цѣлкомъ сложилась у него въ головѣ. Глаза смотрѣли приветливо, но серьезно и сосредоточенно. Но временами, на его задумчивое лицо вдругъ низлетала прелестная улыбка и тогда лицо на мгновеніе молодѣло, освѣщаясь задорнымъ весельемъ. Слово изъ какой то потаенной складки его души вдругъ на минуту выглядывало очаровательный Антоша Чехонте. Но только на мгновеніе. И на утомленное лицо Чехова вновь ложились тѣни, навѣянные думами и тяжелымъ недугомъ.

О людяхъ и ихъ дѣлахъ Чеховъ говорилъ благожелательно, но съ откровеннымъ снисходительнымъ ироніи. Ни во внѣшности, ни въ рѣчахъ Чехова не было ни малѣйшей аффектаціи, ни малѣйшаго намека на позу, на рисовку. Въ то время пошла какая то мода на кокетство писателей необычными костюмами. Горькій демонстративно щеголялъ рубахой, Леонидъ Андреевъ сочинилъ себѣ совершенно особаго покрою кафтанчикъ; былъ даже писатель, который носилъ хламиду и чуть ли не подобіе турбаннаго вѣнца на головѣ. Чеховъ резко выдѣлялся изъ литературной братіи именно своимъ нежеланіемъ выдѣляться наружно изъ круга простыхъ интеллигентныхъ смертныхъ. Въ нѣломудренной простотѣ и скромности полагалъ онъ истинное изящество. Этой же истинной художественной уравновѣшенностью было пронизано и его творчество. Горькій съ шумомъ и трескомъ идеализировалъ босяковъ, рисуя ихъ романтическими героями. Андреевъ стремился ошеломить читателя изображеніемъ изысканныхъ изломовъ человеческой души. Чеховъ устранилъ изъ поля своего творчества все изысканное, чрезвычайное, исключительное. Онъ освѣщалъ лучами своего изящнаго таланта тѣ будни человеческого существованія, изъ которыхъ складается основное ядро жизненнаго процесса. И онъ находилъ въ этихъ будняхъ элементы истинной трагедіи, не яркой, не шумной, не ошеломляющей, но сугубо страшной какъ разъ влѣдствіе своей обыденности.

Трагедія человеческихъ будней, по Чехову, заключается въ безтолковой игрѣ нелѣпныхъ случайностей, которая составляетъ канву человеческого существованія, такую канву, на которой вышиваются зловѣщіе узоры безцѣльно гибнущихъ человеческихъ жизней.

Откуда же возникаетъ эта безтолковая игра нелѣпныхъ случайностей? Она возникаетъ — по убѣжденію Чехова — отъ неумѣнія людей изъясн. и жить. Тоска по изящной жизни — хейтмотивъ поэзии Чехова, долгое время остававшейся спрятаннымъ глубоко подъ спокойнымъ на первый взглядъ живописаніемъ отрывочныхъ кусочковъ житейскихъ будней, а подъ понецъ писательской дѣятельности Чехова все чаще прорывавшейся наружу въ неожиданныхъ страстныхъ аккордахъ. Изящная жизнь, по которой тосковалъ Чеховъ, — это жизнь, основанная на орожденіи человеческихъ душъ, на тонкомъ пониманіи людьми интимныхъ душевныхъ движеній другого человека, на способности и потребности волею и маждаго цѣнить нравственное достоинство своего ближняго, уважать его духовную свободу.

Не умѣютъ люди такъ жить и въ этомъ основной источникъ жизненныхъ золъ и страданій. Какое же отношеніе къ людямъ внушало Чехову такое его жизнепониманіе? Былъ онъ оптимистъ или пессимистъ?

Онъ стоялъ на самой грани между тѣмъ и другимъ, ибо онъ не идеализировалъ людей и не обрушивалъ на нихъ обличительныхъ перуновъ. Онъ жалѣлъ ихъ. А что такое жалость? Это есть любовь на основѣ снисходительнаго покровительства. Чеховъ любилъ людей, какъ гуманный врачъ любитъ своихъ пациентовъ, желая имъ добра, искренно сочувствуя ихъ страданіямъ, стремясь эти страданія облегчить, и въ тоже время всегда относясь къ нимъ немного покровительственно, какъ къ существамъ, нуждающимся въ опекѣ, деликатной и осторожной, но все таки съ жѣ, необходимостью которой вытекаетъ изъ самаго ихъ недуга.

И когда я слушалъ спокойныя, зѣскія рѣчи Чехова о людской жизни, рѣчи, приправленныя ласковой шуткой, согрѣтыя сочувствіемъ, и въ тоже время обличающія зоркую наблюдательность, безжалостно добирающуюся до болѣзнетворныхъ душевныхъ гнояниковъ, — когда я слушалъ все это, меня вдругъ пронизала неожиданная мысль: да вѣдь это врачъ ставитъ свой диагнозъ! Я внимательно посмотрѣлъ на Чехова и, мнѣ кажется, понялъ его. Чеховъ началъ именно съ медицинской профессіи. Но промѣнявъ медицину на литературу, онъ и въ литературѣ остался врачомъ по всей психологической своей творческой, по приѣмамъ мысли, по основному подходу къ объекту своей художественной дѣятельности.

Врачъ не можетъ быть оптимистомъ; слишкомъ уже близка ему сфера ужасныхъ человеческихъ страданій. Но врачъ, не можетъ быть и пессимистомъ: иначе онъ пришелъ бы къ заключенію, что людей нужно не лечить, а морить. Но точно также и поэтъ. Быть оптимистомъ ему препятствуетъ проникновенная пронизательность, а отъ пессимизма его удерживаетъ самая поэтическая его настроенность. Но если оптимистъ поетъ гимны человечеству, а пессимистъ зоветъ это человечество къ позорному столбу, то стоящему на грани между этими двумя жизнепониманіями остается жалѣть человечество и лить на его душевныя раны цѣлительный бальзамъ своего поэтического сочувствія. Такимъ бальзамомъ и было творчество Чехова. Онъ не льстилъ своимъ героямъ и не бичевалъ ихъ. Онъ жалѣлъ ихъ. Но это жалѣніе не было обиднымъ, потому что, — какъ и все въ Чеховѣ, — оно было пронизано тонкимъ духовнымъ изяществомъ.

А. Кизеветтеръ.